
В ФОКУСЕ НАУКИ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ СТАНОВЛЕНИЯ БИОПСИХОСОЦИАЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ

И.В. Реверчук

Удмуртский государственный университет, Ижевск

Термин "evidence based medicine" ("доказательная медицина") был введен во второй половине XX века для обозначения медицинской практики, основанной на данных методологически корректных, научных в собственном смысле этого слова Клинических исследований [9]. Клиническая практика, основанная на строго доказанных научных фактах, в качестве новой *биопсихосоциальной парадигмы* давно завоевала свои прочные позиции во многих отраслях медицины. Научно обоснованные стандарты терапии прочно вошли в такие разделы медицины, как реаниматология, кардиология, пульмонология, хирургия, онкология, гематология и ряд других. Между тем в некоторых отраслях медицины этот процесс существенно отстает от общих тенденций. «Метод держит в руках судьбу исследования!», – подчеркивал И.П. Павлов, и одними из таких отраслей являются отечественная психология и психиатрия как наиболее субъективные социогуманитарные дисциплины, в которых наиболее зримо видны теоретические и методологические противоречия становления собственно научной биопсихосоциальной парадигмы [4].

Современная биопсихосоциальная парадигма является одним из любопытнейших феноменов социогуманитарных наук, который до сих пор не имеет дисциплинарного статуса, и, несмотря на частое упоминание в научной литературе, имеет весьма неотчетливые теоретические и методологические позиции. В настоящее время нет оснований говорить ни о социопси-

хобиологической методологии и методе, ни вообще о ее теоретическом фундаментальном базисе [2]. Попробуем разобраться, что же собой представляет в настоящий момент эта «платформа» доказательной медицины. Своеобразие биопсихосоциальной парадигмы заключено в ее исторических корнях. Во многом *био...* она только по названию, поскольку процесс формирования, вызревания методологии как науки происходил больше не в лоне собственно биологии, а в лоне социологии. Своим происхождением она обязана экспансии эволюционной социологии, как плоду бракосочетания зрелой биологии XIX века с юной социологией, до сих пор не порвавшему пуповину ни с одним из родителей и так и не ставшему определенно самостоятельным. Биопсихосоциальная парадигма – причудливое переплетение научных интересов, где встречаются генетики и социологи, антропологи и экологи, психологи и психиатры, этологи и этнографы. Временами складывается впечатление, что каждый говорит на своем понятийном языке, как во времена построения вавилонской башни.

Внимательно рассмотрим клубок хитросплетений теоретических позиций и методологических подходов формирующейся биопсихосоциальной парадигмы. Семанτικο-эпистемологический анализ самого понятия определяет в его основании три составляющие, «три кита»: *био – психо – социо...* Но это не те «киты», что придают стройную фундаментальную научную незыблемость. Напротив, это «киты», плывущие в разных направлениях, своими собственными маршрутами и стилями плавания, индивидуальным питанием и пристрастиями. Три части, из которых строится биопсихосоциальная парадигма, качественно разнородны по своей природе и предполагают поэтому разные концептуальные основания, и как следствие – разные теоретические позиции и разную методологию. Важно отметить, что разнородность частей усугубляется разным их значением для проблематики, теории и методологии медицины и психологии. Более того, в современном своем виде биопсихосоциология привлекает в качестве «строительного материала» каждой части разные по природе составляющие и строит свой теоретический

фундамент по образцу классической эволюционной теории, заимствуя трехчастную схему:

ведущий фактор – **эволюция** (постулируемое положение);
механизм – **борьба за существование** (динамический конструкт);
процесс – **естественный отбор** (результатирующая составляющая) [3].

Рассмотрим три компонента, образующих тело биопсихосоциологии — биологический, психологический и социологический (ничто не ново под луной, здесь уместно вспомнить «Исповедь» святого Августина, точнее, постулируемый тезис о триединстве тела-души-Духа, «троицу» христианской философии, схему Ид-Эго-Суперэго З.Фрейда и т.д.). На наш взгляд, определяющим среди них является биологический компонент — но только вследствие естественнонаучной ориентации, заданной биопсихосоциологии лишь в прошлом веке и как наиболее исследованный к настоящему времени, но не вследствие действительно особой значимости его относительно двух других компонентов. Хотя менталитет психолого-психиатрического сообщества и сформирован на причислении себя к кругу естественнонаучных биологических дисциплин, особенности становления биопсихосоциальной парадигмы имеют иную картину распределения «влияний» на структуру ее научного знания со стороны социологии, биологии и психологии.

Социология, зародившаяся в первой половине прошлого века в качестве самостоятельной науки, изначально жила на различных пристрастиях и философских мировоззрениях ее создателей и развивалась одновременно в разных направлениях. Стремление ее воспроизвести в собственном лице позитивный «золотой стандарт» естествознания неизбежно притягивал социологию к биологии, как к наиболее понятийно близкому отделу естествознания. И до сих пор излишняя биологизация присутствует в обосновании подходов и методов *социо*-логии, психологии и психиатрии. Данному слиянию и доминированию пробиологических идей в социальных науках способствовало амальгамирование идеи *социального прогресса* в форме идеи *прогрессивной эволюции* – сначала биологией, а вслед за ней и естествознанием, что наиболее ярко наблюдается в трудах последователей французского и английского эволюционизма. Зарождающаяся на основе этой доктрины эволюционная биология

нашла себе союзников в лице социальной философии, а посредством последней – и во «взрослеющей» социологии. По мнению Ю.М. Плюснина (2006), взаимопритяжение и взаимопроникновение социальной философии и социологии как ветви естествознания способствовало зарождению идеи «о естественном статусе человеческого общества. Мысль, достаточно тривиальная на Востоке, но революционная на Западе, поскольку это была тема, оппозиционная теме *общества как конвенции*. Соответственно, идея естественного (природно обусловленного) устройства общества нуждалась в позитивном обосновании. А таковое может дать только естествознание, а среди его отделов - прежде всего биология» [2]. Как результат, все возрастающее доминирование идеи прогрессивной эволюции и потенцировало зарождение научной парадигмы биопсихосоциологии.

Сложившаяся к концу старого порядка в Европе идея прогресса общественного развития, несмотря на достаточно острую, интересную и убедительную аргументацию оппонентов (А. Тойнби, О. Шпенглер, Й. Хайзенка), все больше стала проникать в среду естествоиспытателей, большей частью посредством психологических конструкций и построений. Доведенная и обобщенная до идеи *эволюции Природы*, она вернулась в социальную философию и социологию под видом естественнонаучной теории эволюции, объясняющей, в том числе, и разнообразие человеческих обществ, подтверждаемой накопленными многочисленными данными относительно молодых наук – антропологии, археологии и этнографии. Все возвращается на круги своя – как и во времена расцвета античной науки, идея прогресса человеческого общества вновь сопрягается с идеей прогресса форм животной жизни! Переходным мостиком от эволюционистских моделей организации животных сообществ к человеческой общественной организации логично должно было стать в XIX веке зарождение и концептуальное обоснование зоосоциологии, которая и не замедлила появиться именно в виде *эволюционной социологии*. Обращает на себя внимание объект исследования сей юной научной дивы: социология различных форм животной жизни, выстраиваемых в лестницу прогрессивно

усложняющейся организации (безусловно, семантически дублирующую знаменитую «*scala naturae*» Жана Кювье, 1812).

Эти научно-исторические условия взаимопроникновения логоса *социо...* в *био...* и наоборот формируют научно-исследовательскую основу как современной социальной биологии, так и биологической социологии, какими бы тактическими подходами, а точнее, заимствованными из популяционной генетики и экологии, разработанными в этологии и психологии разнородными теоретическими схемами, ни прикрывались. В настоящее время биопсихосоциология имеет проблематику, определенную внешними для ее природы и путей развития факторами, доставшимися в наследство от пути развития каждого ее «кита». Парадоксально специфичным для формирующейся новой универсальной парадигмы является то, что центральными проблемами в ней остаются проблемы, по-прежнему важнейшие и для современной социологии и социопсихологии. Постулированный еще Контом и Спенсером (1876) в качестве центральных проблем социологии, этот *quadrum organum* естествознания актуален и по сей день: 1) проблема социального прогресса в форме прогрессивной эволюции животной жизни от одиночного к социальному существованию; 2) проблема социальной организации в форме уровней организации животной (и, добавим, человеческой) жизни.

Формирующаяся разнонаправленная, словно прикрытая лоскутным *patchwork*-одеялом биопсихосоциология, во всех своих традиционных и современных ипостасях — в качестве социологии животных, эволюционной социологии, сравнительной психологии, социальной экологии, этологии, социобиологии, нейропсихологии и интегративной психотерапии — при внимательном рассмотрении содержит неразрешенные до сих пор эти проблемы [8; 10; 15]. Каких бы теоретических и парадигмальных концепций ни придерживался исследователь, описывающий «социальную жизнь животных и людей», особенно в психологии и психиатрии, он исходит и возвращается к обсуждению именно этих двух проблем. Тернистый путь изучения «человеческого» в животном мире – внутригрупповых и межгрупповых коммуникаций привел в конце XIX века к рождению новой дисциплины

– социологии животных у А. Эспинаса и, спустя столетие, социобиологии у Э. Вильсона [10; 16]. Несмотря на различные теоретические установки (социологические у одного и биологические у другого), авторы сходятся на закономерной необходимости построения филогенетической лестницы социальных форм в ряду от самых низших (зоологически – простейших, а социально – одиночных) до высших (исключительно человеческих). Но если у Эспинаса данная структурно-усложняющая схема логически обоснована всей рациональностью изложения, то у Вильсона это – параллельно сосуществующие две модели: первая схема выстраивает эволюционный ряд социальности для всех животных и человека, а другая – только внутри человеческих сообществ, которая не поддается обоснованию биологическими популяционно-генетическими, экологическими и эволюционно-биологическими аргументами (и, возможно, при дальнейшем слиянии *experiment-experience* установок, объективного и субъективного подходов развивающейся интегральной научной мысли и не поддастся?).

Таким образом, если бы мы говорили о социопсихобиологической или биопсихосоциальной теории и методологии, мы должны были бы указать, что гипотетико-дедуктивными основаниями здесь являются основания *социологии* в собственном (классическом и современном) смысле (недаром поэтому некоторые философы и биологи предлагают название *биосоциологии* для социальной биологии как более корректное, нежели *социобиология*). Проблема эволюции *социальной жизни* в форме социогенеза по аналогии с филогенезом и проблема *социальной организации* в форме уровней социальной организации по аналогии с уровнями биологической организации — есть исходные теоретические постулаты биопсихосоциальной парадигмы на протяжении всего времени ее развития. Рассмотрев краеугольные «камни» и наиболее бросающиеся в глаза слабые стороны *теоретических оснований* биопсихосоциальной парадигмы, нам просто необходимо найти и обосновать для них *ведущий фактор* или, что вероятнее всего, *группу факторов*, которые позволяли бы создать *теоретическую конструкцию*. И здесь социоп-

сихобиология обращается уже к своему другому «киту»: психологии.

Во времена становления и расцвета дарвинизма ведущим фактором считалась *борьба за существование*, но после периода кризиса и аргументированной жесткой критики прямолинейных построений данной теории начала формироваться иная, более гибкая теоретическая позиция, основаниями которой стали служить не просто эволюционные гипотезы (даже популярная этногенетическая концепция Л.Н. Гумилева подверглась справедливому упреку в необоснованном, излишнем переносе биологической модели идиоадаптации-апоморфоза-регресса на социогенез народов и этнических сообществ), а развитые к этому времени в генетике, популяционной биологии и психологии положения. Поэтому в настоящее время содержательные теоретические построения биопсихосоциологии большей частью опираются на базу популяционной генетики и популяционной экологии. Результатом явилось то, что популяционистский подход в социальной биологии и психологии, определивший уровень и стиль «полевых» исследований начиная с середины XX века, определил не только выбор ведущих факторов в теориях социальной биологии, но и сам вид представления научных данных; определение животного и человеческого сообщества стало формулироваться в популяционно-биологическом ключе - как *социодемографическая система*. В российской психологии и психиатрии данный подход наиболее часто применяется в клинко-эпидемиологических исследованиях (Т.Б. Дмитриева, А.А. Чуркин, Б.С. Положий, 1996-2006), системной семейной психотерапии (Э.Г. Эйдемиллер, 2006) и диалоговой гипносуггестивной терапии (Р.Д. Тукаев, 2006). Таким образом, популяционная биология в настоящее время является эмпирическим основанием социальной биологии и психологии (каверзный вопрос: а психиатрии?) как наиболее ярких представителей поведенческих наук. В последние десятилетия сложилось причудливое переплетение популяционной биологии с «полевой» психологией и психиатрией, благодаря которой социопсихобиология предложила специфический ведущий фактор, объясняющий процесс социальной организации, эволюции и регресса (обскурации).

«То ли он шапку украл, то ли у него шапку украли – короче, темная история...», ведь и эволюционная биология свой ведущий фактор — *борьбу за существование* — заимствовала из политической экономии.

Таким образом, в научной среде сформировалось представление о популяционно-экологических и популяционно-генетических факторах социальной эволюции и регресса, а вместе с ними – о ведущем факторе специфически-поведенческом по своей природе. В первом случае это *экологическое давление* и *филогенетическая инерция* [11; 14; 16; 17], во втором — *альтруизм* (возможный тезаурус: самореализация-самоактуализация по А. Маслоу, постижение самости по К.Г. Юнгу, достижение «просветления» (самадхи) в восточном понимании с гуманистической точки зрения?).

Еще со времен локальных цивилизаций Востока и расцвета философской мысли Эллады альтруизм задолго до теории Дарвина рассматривался как ведущий фактор эволюции, однако доминирующие идеи эпохи эволюционизма заменили его полной противоположностью – индивидуальной борьбой за существование. И хотя альтруизм вплоть до самого последнего времени оставался в поле зрения естественнонаучных теоретиков и методологов, но лишь на далекой периферии их внимания. Революционный научный вклад У. Гамильтона заключается в построении модели, в которой альтруизм оказался функцией, *производной* от борьбы за существование. Несмотря на логические и содержательные ошибки данной модели, обнаруженные вскоре, тем не менее вызвала бурный ренессанс интереса научного сообщества и философов к проблематике социальной биологии. И в настоящее время *альтруизм* воспринят в качестве ведущего фактора эволюции социальной жизни животных с переносом на человеческую организацию, хотя он и не выводим из борьбы за существование.

Биопсихосоциология по специфике своего предмета тяготеет к психологии более, чем к чему-либо другому. Предметом ее изучения являются взаимоотношения индивидуально-психологической организации и коллективной социокультуральной с неигнорированием биологических корней *поведенческой систе-*

мы индивидуума и сообщества. Сама специфика научной дисциплины накладывала и продолжает накладывать совершенно определенный отпечаток на процесс получения научного знания и его структуру. Обращает на себя внимание тот факт, что на сегодняшний день критериям доказательной медицины, признанным въедливо-скрупулезным «кокрановским» мировым сообществом, из методов психологии и психотерапии соответствуют лишь когнитивно-бихевиоральная и гипносуггестивная терапия (Р.Д. Тукаев, 2006). В биопсихосоциальной парадигме воспроизводятся методические приемы по преимуществу экспериментальной и сравнительной психологии. Важно отметить, что этология – часть психологии, но в последние десятилетия она постепенно и необратимо трансформируется в социозтологию, тесно связанную с популяционной экологией.

Специфическое содержание биопсихосоциологии определяется главным образом ее *психологическим* компонентом. Поэтому в глазах многих естествоиспытателей предмет биопсихосоциальной парадигмы не является достаточно отчетливым, а данное интегративное научное направление (помимо социобиологии) так и не признано в качестве особой дисциплины, поскольку до настоящего времени ракурс анализа и специфически-биологический предмет исследований отграничивает социобиологию от поведенческих наук (однако важно отметить, что этот предмет относится к компетенции генетики). Составляя эмпирическую основу социальной биологии, поведенческие науки образуют как бы ее индуктивную базу. Но на протяжении всей своей истории социальную биологию пытаются разграничить с поведенческими науками и определить относительно их ее собственный теоретико-методологический статус, что является слабым звеном и предметом справедливой критики по отношению к создаваемой системной интегральной модели биопсихосоциальной парадигмы. Эта проблема занимала и занимает всех теоретиков, поскольку в свое время еще Эспинас проводил разграничение с социологией и со сравнительной психологией, формулируя основные положения социологии животных [10]. Подобные усилия предприняли позже Винн-Эдвартс и Крук, стремясь специфицировать социальную экологию, предшественницу

социобиологии [11, 17]. Это удалось Вильсону, отчетливо осознававшему необходимость такой деятельности для установления статуса самой социобиологии как особой, новой дисциплины [16].

Но, возвращаясь к теме нашей дискуссии, для построения законченной теории необходимо привести в соответствие ведущему фактору *движущие механизмы*. Только найдя механизмы, обеспечивающие реализацию ведущего фактора, возможно создание непротиворечивой модели, которая с известной долей уверенности может быть понята и принята как «общая теория» социопсихобиологии. Безусловно, в биопсихосоциальной организации нормы и патологии человека ведущую роль играет личность (*психо...*), особенно с повышением его уровня осознанности и духовного развития все более нивелируется влияние биологического и социального как в самом себе, так и в окружении, однако *психобиологический* и *психосоциальный* ракурс рассмотрения изучаемой нами модели выходит за пределы данной статьи и является предметом отдельного предметного разговора [6]. В рамках же тех вариантов научных подходов, которые развиваются социобиологией и социозтологией, в роли этого механизма выступает *отбор родственников* (kin-selection, по терминологии У. Гамильтона [13]) и *групповой* (демовый или междемовый) *отбор* социально связанных групп животных внутри общества или сообществ внутри популяции [16]. Удивительное *déjà vu* - мы вновь встречаемся с почти полной аналогией эволюционной теории Дарвина, однако происходит косвенно-незаметная подмена понятий: место индивидуального отбора как механизма эволюции занимают родственный и групповой отборы. Хитрости в такой процедуре двойной замены, конечно, немного, но какие выгодные последствия она приносит самой социальной биологии! Этот прием позволяет ей перейти с зыбкой почвы психологии и социологии на прочный фундамент формально-логических построений популяционной генетики [6].

Методология генетики в силу своей почти аксиоматической строгости является очень привлекательной для многих естественников-методологов, биологов-теоретиков и социобиологов [7]. Сама возможность попытки обосновать существование сис-

темных конструкторов изучаемых субъективных «миров» и взаимоотношений с помощью «земной» объективности и возможностью их «пощупать и измерить» является для психологов и психиатров достаточно соблазнительной (автор не является исключением). Логическая схема, по которой У. Гамильтон из простого индивидуального отбора вывел отбор родичей и обусловленный им альтруизм родственников, а затем его последователи – *групповой отбор* и реципрокный *альтруизм* и *непотизм* (Э. Вильсон, Р. Трайверс) весьма привлекательна с точки зрения уменьшения «числа сущностей», что составляет заботу практически каждого естествоиспытателя-теоретика. «Гипотез не измышляю!», – восклицал И. Ньютон, закладывая краеугольный камень доказательности в науку, и предлагая вместо схоластических рассуждений оперировать только измеряемыми величинами. Установленные в качестве механизма социальной эволюции и процессов самоорганизации животных обществ родственный и групповой отборы, «полноправные заместители» естественного (индивидуального) отбора, решают, по мнению социальных биологов, проблему теоретической стройности и непротиворечивости логических конструкций, в которых социальная жизнь во всей ее структурной сложности и многоцветности может быть разложена на очень простые, а в идеале — на уровне физико-химических соединений — линейно упорядоченные компоненты, позволяющие осуществлять логико-математические (линейные же) преобразования [12, 13].

Методология популяционной генетики и экологии задает поэтому соответствующие эмпирические экспериментальные программы, приобретающие характер математических моделей. Тем самым биологическая ориентация в формирующейся биопсихосоциальной парадигме способствует упрощению и редукции ее основной проблематики: сведению феноменов *социальной жизни* к популяционно-демографическим процессам или взаимодействию исследованных генных комплексов. Сторонники социопсихобиологии, опираясь на атлантов «математизированных» дисциплин, стремятся превратить её в точное и формализуемое, фактически свести к идеалам физичности. Игнорирование феномена врожденной или приобретенной индивидуаль-

ности и относительной «внутренней» свободы от биологического и социального приводит, к большому сожалению, лишь к изучению «нормы» и патологии, не допуская возможности взглянуть в сторону психологии возможной эволюции (или революции, вспомним призыв Кришнамурти: «Urgency change!») человека.

Таким образом, в теоретическом отношении современная междисциплинарная биопсихосоциальная парадигма привлекательна, противоречива и многолика: *основу ее* проблематики составляет социально-философская и социологическая проблематика, *объяснительные модели* – популяционно-биологические, клинические и психологические, а *описательные модели* и эмпирическая база – экологическая, популяционно-генетическая и поведенческая. Возникает парадокс: биопсихосоциальная парадигма, по сути, отгораживается от социологии границами естественнонаучной методологии и теории познания, но проблемное поле, общее для той и другой парадигмальных концепций, не только сближает их предметы, но и заставляет социобиологов делать все больший акцент на объяснения, основанные не на естественнонаучных моделях, а на моделях, по природе социологических и даже гуманитарных [1, 5]. Придерживаясь разных теоретических схем и разных по природе методологий естествознания и социогуманитарных наук, нельзя достичь теоретического единства.

«Гибридность» происхождения биопсихосоциальной парадигмы, кроме значения ее прикладного вклада в виде интегральных и междисциплинарных научных исследований, заставляет ее соединять несоединимое, поэтому ее теоретико-методологические основания являются самым настоящим гордиевым узлом, который развязать невозможно, а можно лишь последовать примеру Александра Великого. Есть, однако, интересный и простой выход в виде радикальной перестройки всей теоретико-методологической базы биопсихосоциальной парадигмы – ещё не успевшей превратиться в фетишеподобный иконостас, но уже увязшей в лабиринте неразрешимых теоретических и методологических противоречий, доставшихся в наследство от трех ее «атлантов-китов». В лице основателя социологии

мы имеем пример именно такого радикального шага, результатом которого было прерывание неуверенного и противоречивого взаимодействия трех наук — истории, биологии и политической экономии, направленного на создание «интегральной» науки о человеческом обществе, и появление сразу и в определенном виде (в предмете и методе) новой позитивной науки [2]. «Не множь сущности без необходимости!», — гласит знаменитая «бритва» Оккама, тем не менее насущная необходимость становления новой целостной биопсихосоциологии на основе системности и интегральности не вызывает сомнений. Поскольку понятие системы имеет чрезвычайно широкую область применения (практически каждый объект может быть рассмотрен как система), постольку его достаточно полное понимание предполагает рассмотрение его в контексте основных системных принципов. К принципам системного подхода относятся: 1) целостность (принципиальная несводимость свойств системы к сумме свойств составляющих ее элементов и невыводимость из последних свойств целого; зависимость каждого элемента, свойства и отношения системы от его места, функций и так далее внутри целого); 2) структурность (возможность описания системы через установление ее структуры, т.е. сети связей и отношений системы; обусловленность поведения системы не столько поведением ее отдельных элементов, сколько свойствами ее структуры); 3) взаимозависимость системы и среды (система формирует и проявляет свои свойства в процессе взаимодействия со средой, являясь при этом ведущим активным компонентом взаимодействия); 4) иерархичность (каждый компонент системы в свою очередь может рассматриваться как система, а исследуемая в данном случае система представляет собой один из компонентов более широкой системы); 5) множественность описания каждой системы (в силу принципиальной сложности каждой системы ее адекватное познание требует построения множества различных моделей, каждая из которых описывает лишь определенный аспект системы) и другие.

Иерархичность, многоуровневость, структурность – свойства не только строения, морфологии системы, но и ее поведения. Отдельные уровни системы обуславливают определенные ас-

пекты ее поведения, а целостное функционирование оказывается результатом взаимодействия всех ее сторон и уровней. Динамичность системы определяется изменением ее состояния во времени под воздействием определенных факторов. Система является однозначно детерминированной, если знание значений показателей элементов системы в данный момент времени позволяет установить состояние системы в любой последующий или любой предшествующий периоды времени. А принцип интегрирования как суммирования «бесконечно малых» влияний трех составляющих биопсихологии на основе системного подхода позволяет сделать «квантовый скачок» от накопленных теоретических и методологических противоречий био...психо...социо... «китов». Но для этого биопсихосоциальная парадигма в своем становлении в настоящее время действительно нуждается в собственно самой *новой парадигме* и *новых философских* основаниях.

Литература

1. О специфике биологического познания. М.: Наука, 1987.
2. *Плюснин Ю.М.* Бреющий полет трехглавого дракона. Проблемы построения теории социальной биологии / Ю.М. Плюснин // Биофилософия. М., 1996 Т. 2.
3. *Плюснин Ю.М.* Проблема биосоциальной эволюции / Ю.М. Плюснин. Новосибирск: Наука, 1990.
4. Психотерапия в системе медицинских наук в период становления доказательной медицины: сб. тез. науч. конф. с междунар. участием. 15-17 февраля 2006 г., Санкт-Петербург. СПб., 2006.
5. Пути интеграции биологического и социогуманитарного знания. М.: Наука, 1984.
6. *Реверчук И.В.* Психобиологические механизмы нозогенеза пограничных психических расстройств / И.В. Реверчук // Вестн. психиатрии и психологии Чувашии. 2006. № 2. С. 17-27.
7. *Рьюз М.* Философия биологии / М. Рьюз. М.: Прогресс, 1977.
8. *Спенсер Г.* Основания социологии. Т. 2, ч. 2. Индукции социологии / Г. Спенсер. СПб., 1876. С. 497-654.
9. *Флетчер Р.* Клиническая эпидемиология: основы доказательной медицины / Р. Флетчер, С. Флетчер, Э. Вагнер. М.: Медиасфера, 2004.

10. Эспинас А. Социальная жизнь животных. Опыт сравнительной психологии с прибавлением краткой истории социологии / А. Эспинас. СПб.: Тип. д-ра М.А. Хана, 1882.
11. Crook J.H. Social organization and the environment: aspects of contemporary social ethology // Anim. Behav. 1970. Vol. 18. P. 197-209.
12. Dawkins R. The selfish gene. Oxford: Oxford Univ. Press, 1976.
13. Hamilton W.D. The genetical theory of social biology // J. Theor. biol., 1964. Vol. 7. № 1. P. 1-16, 17-52.
14. Lumsden Ch.J., Wilson E.O. Genes, mind, and culture: the coevolutionary process. Cambridge; Massachusetts; L.: Harvard Univ. Press, 1981.
15. Ruse M. Sociobiology: sense or nonsense? Dordrecht; Boston; L., 1979.
16. Wilson E.O. Sociobiology. The new synthesis. Cambridge: Cambr. Univ. Press, 1976.
17. Wynne-Edwards V.C. Animal dispersion in relation to social behaviour. Edinburgh, 1962.